

Симоненко Никита Александрович, магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Симоненко Сергей Александрович, магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ СУБЪЕКТ КАК ВОЗМОЖНАЯ
МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация

В статье рассматривается проблема определения правового статуса искусственного интеллекта в российской правовой системе. Отмечается, что действующее законодательство не признает ИИ самостоятельным субъектом права, однако развитие автономных интеллектуальных систем ставит вопрос о недостаточности их восприятия исключительно как объекта правоотношений. Автор предлагает рассматривать высокоразвитый искусственный интеллект как специальный цифровой субъект - особую форму ограниченной правосубъектности, основанную на интеллектуальной автономии, устойчивости поведения и способности принимать решения в условиях неопределенности. Особое внимание уделяется условиям признания такого статуса, цифровой песочнице и специальным мерам ответственности.

Annotaion

The article examines the problem of determining the legal status of artificial intelligence within the Russian legal system. It notes that current legislation does not recognize AI as an independent legal subject; however, the development of autonomous intelligent systems raises questions about the adequacy of treating them solely as objects of legal relations. The author proposes considering highly advanced artificial intelligence as a special digital subject—a unique form of limited legal personality based on intellectual autonomy, behavioral stability, and the ability to

make decisions under conditions of uncertainty. Particular attention is paid to the conditions for recognizing such a status, the role of the regulatory sandbox, and special liability measures applicable to such entities

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, субъект права, специальный цифровой субъект, электронное лицо, автономная система, цифровая песочница, юридическая ответственность, самостоятельность, когнитивная автономия, распределенная модель, ИИ-системы, правовая модель, цифровая среда, специальный правовой режим.

Keywords: artificial intelligence, legal personality, legal subject, special digital subject, electronic person, autonomous system, regulatory sandbox, legal liability, independence, cognitive autonomy, distributed model, AI systems, legal model, digital environment, special legal regime.

Развитие искусственного интеллекта ставит перед правом вопросы, на которые пока нет однозначных ответов. Еще недавно ИИ чаще всего воспринимался как программа, алгоритм или техническое средство, помогающее человеку быстрее обрабатывать информацию. В таком понимании особых трудностей для права не возникало: искусственный интеллект рассматривался как объект, а ответственность за его использование возлагалась на конкретного человека или организацию.

Однако современные ИИ-системы становятся все более самостоятельными. Они способны обучаться, анализировать большие массивы данных, делать выводы, которые не были прямо заложены разработчиком, и выбирать вариант поведения в ситуации неопределенности. Поэтому возникает закономерный вопрос: всегда ли правильно рассматривать искусственный интеллект только как объект права?

Разумеется, говорить о полном признании ИИ субъектом права сегодня преждевременно. Искусственный интеллект не является человеком, не обладает человеческим сознанием, волей и социальной природой. Но и сводить высокоавтономные системы исключительно к обычному инструменту

также становится все сложнее. Именно поэтому в юридической науке все чаще обсуждается возможность поиска промежуточной модели.

Как отмечает И. Ш. Исмаилов, вопрос отнесения искусственного интеллекта, киберфизических систем, нейронных систем и роботов к объектам или субъектам права остается одним из ключевых для их дальнейшего регулирования [3, с. 136]. С этим сложно не согласиться, поскольку от правовой природы ИИ напрямую зависит вопрос ответственности, контроля и допустимых пределов его участия в общественных отношениях.

Цель настоящей статьи — рассмотреть возможность использования категории специального цифрового субъекта как особой модели правового статуса искусственного интеллекта.

1. Искусственный интеллект между объектом и субъектом права

В настоящее время российское законодательство не признает искусственный интеллект самостоятельным субъектом права [1]. ИИ не является физическим лицом, поскольку не имеет биологической природы, человеческого сознания и естественной правоспособности. Он также не является юридическим лицом, так как не обладает организационной структурой, органами управления и самостоятельной имущественной ответственностью в привычном смысле.

Поэтому наиболее очевидным остается подход, при котором ИИ рассматривается как объект права или техническое средство. В большинстве случаев он действительно оправдан. Если система выполняет вспомогательную функцию и действует в пределах команд человека, то ответственность за ее использование должны нести разработчик, владелец, оператор или пользователь.

Проблема возникает тогда, когда искусственный интеллект начинает действовать более автономно. Обычный объект права пассивен: он не принимает решений, не анализирует ситуацию и не меняет свое поведение в зависимости от нового опыта. Современный ИИ, напротив, способен обрабатывать информацию, сопоставлять данные, адаптироваться к новым

условиям и предлагать решения, которые не всегда можно заранее предсказать [4, с. 127-138; 5, с. 280].

Конечно, такая автономность не является абсолютной. Любая ИИ-система создается человеком, обучается на определенных данных и работает в пределах заданной архитектуры. Но полное отрицание самостоятельности таких систем также выглядит упрощением. В отдельных случаях искусственный интеллект уже нельзя описать только как пассивный объект, хотя и признать его полноценным субъектом права пока невозможно [4, с. 149-155; 6, с. 40-42].

Именно в этом промежуточном пространстве и возникает идея специального цифрового субъекта.

2. Понятие специального цифрового субъекта

Правосубъектность обычно понимается как способность быть носителем прав и обязанностей. Традиционно такими субъектами выступают физические и юридические лица. Однако право знает не только естественные, но и специально созданные конструкции. Например, юридическое лицо само по себе является правовой моделью, которая позволяет организации участвовать в гражданском обороте, заключать сделки, иметь имущество и нести ответственность.

Поэтому вопрос об искусственном интеллекте не следует сводить к простой формуле: может ли ИИ быть «лицом»? В человеческом смысле – нет. Но право может создать специальную конструкцию для тех автономных цифровых систем, которые фактически участвуют в общественных отношениях и принимают решения с ограниченным участием человека [5, с. 281-282; 6, с. 42-43].

В рамках настоящей работы предлагается использовать понятие специального цифрового субъекта. Под ним можно понимать высокоразвитую автономную систему искусственного интеллекта, которая в установленном законом порядке признана способной участвовать в отдельных

правоотношениях, принимать решения в пределах специального правового режима и нести особые меры ответственности за свои цифровые действия.

Такой субъект не должен приравниваться к человеку. Он не обладает человеческим достоинством, личными правами, свободой воли и моральной ответственностью. Но он отличается от обычного объекта, поскольку способен проявлять самостоятельность при анализе информации и выборе решения.

Главным основанием для выделения специального цифрового субъекта является интеллектуальная автономия. Она проявляется в том, что система не просто выполняет заранее заданные команды, а анализирует данные, сопоставляет источники, выявляет закономерности, действует при неполной информации и корректирует свое поведение на основе полученного опыта [4, с. 151].

При этом важно не допустить чрезмерного расширения такой категории. Не любая нейросеть, программа или робот могут считаться специальным цифровым субъектом. Сложность алгоритма сама по себе не создает правосубъектности. Значение имеет именно качество поведения системы: устойчивость решений, обучаемость, способность работать с неопределенностью, относительная независимость от постоянного внешнего управления и возможность технической идентификации.

Иными словами, специальный цифровой субъект — это не «электронный человек», а ограниченная правовая конструкция для тех случаев, когда искусственный интеллект уже не вполне корректно рассматривать как обычный объект.

3. Условия признания специального цифрового субъекта

Если допустить возможность специального правового статуса ИИ, необходимо сразу определить строгие условия его признания. Без таких условий субъектность может быть необоснованно распространена на любые сложные программы, что только усилит правовую неопределенность.

На наш взгляд, ключевыми условиями должны быть автономность, способность к обучению, устойчивость поведения, работа с неопределенной

информацией, идентифицируемость и наблюдаемость. ИИ-система должна быть не просто технически развитой, а способной демонстрировать последовательное, проверяемое и относительно самостоятельное поведение [4, с. 152-153; 5, с. 280, 282].

Особую роль в этом процессе может играть цифровая песочница. Под ней следует понимать специально организованную и защищенную цифровую среду, в которой ИИ проходит обучение, тестирование и правовую оценку. Признание искусственного интеллекта специальным цифровым субъектом не должно происходить сразу после создания системы или успешного прохождения одного теста. Для этого требуется длительное наблюдение [2]: как система принимает решения, как реагирует на ошибки, как работает с противоречивыми данными и сохраняет ли внутреннюю логику поведения.

Цифровая песочница должна сочетать два начала — изолированность и открытость. Изолированность необходима для безопасности. Автономный ИИ не должен получать неконтролируемый доступ к критической инфраструктуре, персональным данным, финансовым системам или иным чувствительным ресурсам. Открытость, в свою очередь, нужна для полноценного обучения: система должна иметь возможность анализировать широкий круг информации, сравнивать источники и самостоятельно определять степень достоверности данных.

Именно в такой среде можно оценить, обладает ли система признаками когнитивной автономии. Если ИИ не просто воспроизводит полученные сведения, а выстраивает между ними связи, исправляет ошибки, аргументирует выводы и сохраняет последовательность поведения, тогда появляется основание обсуждать его специальный правовой статус.

4. Правоспособность и ответственность искусственного интеллекта

Правоспособность специального цифрового субъекта должна быть ограниченной. Она не может быть общей, как у человека, поскольку искусственный интеллект не участвует во всех сферах общественной жизни и

не обладает человеческой природой. Его статус должен зависеть от конкретных задач, ради которых он создан и признан [5, с. 281; 6, с. 42].

Такой субъект мог бы участвовать только в отдельных цифровых правоотношениях: например, заключать типовые сделки в заранее установленных пределах, управлять информационными процессами, взаимодействовать с другими автоматизированными системами или принимать решения внутри доверенной цифровой среды. При этом он не должен обладать личными, политическими, семейными и иными правами, связанными с человеком.

Наиболее сложным остается вопрос ответственности. Пока ИИ считается инструментом, ответственность за его действия несут люди или организации. Но если система получает специальный статус, эту модель необходимо уточнить. Нельзя одновременно признавать способность ИИ к самостоятельному принятию решений и полностью игнорировать эту самостоятельность при распределении ответственности.

Очевидно, что ответственность цифрового субъекта не может быть такой же, как ответственность человека. К ИИ невозможно применить наказание в обычном смысле: он не испытывает вины, раскаяния или нравственного переживания. Поэтому меры ответственности должны иметь цифровой характер.

К таким мерам можно отнести ограничение доступа к данным, снижение вычислительных ресурсов, запрет на выполнение отдельных функций, помещение системы в закрытую среду, временное приостановление статуса или прекращение функционирования. В исключительных случаях, если дальнейшая работа ИИ создает серьезную угрозу, возможно его полное отключение.

Вместе с тем признание специального цифрового субъекта не должно становиться способом освобождения людей от ответственности. Если вред возник из-за ошибок проектирования, нарушения правил обучения, сокрытия опасных свойств системы или создания ИИ с заведомо вредоносной логикой,

ответственность должны нести разработчик, владелец или оператор [4, с. 134-138; 6].

Поэтому наиболее разумной представляется распределенная модель. За автономные решения в пределах признанного статуса отвечает сам специальный цифровой субъект через особые цифровые меры, а за нарушения при создании, обучении и эксплуатации отвечают люди и организации, связанные с данной системой.

Заключение

Проблема правового статуса искусственного интеллекта остается одной из наиболее сложных в современной юридической науке. Сегодня ИИ не является самостоятельным субъектом права, и для большинства существующих систем такой подход вполне оправдан. Они остаются инструментами, а значит, ответственность за их использование должны нести люди и организации.

Однако развитие высокоавтономных систем показывает, что в будущем одной только объектной модели может оказаться недостаточно. Если искусственный интеллект способен обучаться, анализировать информацию, формировать устойчивые модели поведения и принимать решения в условиях неопределенности, право должно иметь более гибкий инструмент для его регулирования.

Таким инструментом может стать специальный цифровой субъект. Его правосубъектность должна быть ограниченной, производной и функциональной. Она не должна означать признание ИИ человеком или юридическим лицом. Речь идет лишь о специальной правовой конструкции, которая позволит учитывать автономность отдельных ИИ-систем и точнее распределять ответственность.

Для реализации такой модели необходимо закрепить критерии автономности, использовать цифровые песочницы, разработать процедуру экспертного признания, определить пределы правоспособности и установить специальные меры ответственности. При этом важно сохранить главное:

искусственный интеллект не должен заменять человека как центрального субъекта права. Его специальный статус может быть допустим только в той мере, в какой он служит правовой определенности, безопасности и защите интересов общества.

Таким образом, концепция специального цифрового субъекта может рассматриваться как перспективное направление развития российского законодательства об искусственном интеллекте. Ее смысл заключается не в наделении ИИ человеческими качествами, а в создании более точной и современной правовой модели для регулирования автономных цифровых технологий.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 октября 2019 № 41 ст. 5700;
2. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. N 123-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 апреля 2020 г. № 17 ст. 2701;
3. Исмаилов И. Ш. Искусственный интеллект: правовой статус, проблемы дефиниции и перспективы использования в юриспруденции // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 5. С. 135 – 139;

4. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». - М.: Буки Веди, 2017. – 257 С;
5. Морхат П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы // Вестник КГУ. 2018. №3. С. 280 – 283;
6. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 2. С. 40-43.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation of October 14, 2019 No. 41, Art. 5700;
2. Federal Law of April 24, 2020 No. 123-FZ "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in a Subject of the Russian Federation - the City of Federal Significance Moscow, on the Specifics of Processing Personal Data in the Formation of Regional Data Sets and Providing Access to Regional Data Sets and Amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation of April 27, 2020 No. 17, Article 2701;
3. Ismailov I. Sh. Artificial Intelligence: Legal Status, Definitional Issues and Prospects of Use in Jurisprudence // Problems of Economics and Legal Practice. 2019. No. 5. pp. 135–139;
4. Morkhat P. M. Artificial Intelligence: Legal View: Scientific Monograph / ROO "Institute of State-Confessional Relations and rights". - M.: Buki Vedi, 2017. - 257 p;
5. Morhat P. M. Legal capacity of an artificial intelligence unit: some civil law approaches // Vestnik of KSU. 2018. No. 3. pp. 280 - 283;

6. Yastrebov O. A. Legal capacity of an electronic person: theoretical and methodological approaches // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13, No. 2. pp. 40-43.